

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 64—74.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 64—74.

Научная статья

УДК 81'37: 821.161.1(19)

EDN <https://elibrary.ru/qxcdfr>

DOI: 10.46726/И.2025.3.7

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГЕРОЕВ В ЖАНРЕ РАССКАЗА (И.А. Бунин «Руся»)

Фения Фархасовна Фархутдинова, Беренис Буэссо Малонга

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

fenfar@mail.ru, berenicebouesso@gmail.com

Аннотация. Многократно исследованный и описанный в научной литературе рассказ «Руся» получает разную интерпретацию содержания и вложенных в него смыслов, что обусловлено социальными запросами времени, факторами идеологического и биографического планов, различием аспектов собственно филологического анализа. Эти подходы позволяют рассматривать рассказ как феномен русской культуры. Обращение к анализу коммуникативного поведения героев рассказа нацелено на объективную интерпретацию характера героев, осмысление их отношений, авторский взгляд на рассказанную историю, а также скрытый в ней смысл. Коммуникативное поведение человека обусловлено существующими у народа традициями общения. Оно строится с учетом ситуации общения, возрастных особенностей коммуникантов, гендерной составляющей и т. д. В художественном произведении коммуникативное поведение описывается через слово либо оборот речи, сказанные героем или самим автором. При этом писатель в равной мере обращает внимание на невербальную составляющую общения (взгляды, интонацию, функциональную подвижность), на вербальную составляющую (лексико-фразеологическое наполнение формул речевого этикета, их грамматическое оформление, характер обращений), а также на феномен молчания. Именно поэтому в центре внимания оказались ситуации общения героев рассказа «Руся», дистанция их общения, формулы речевого этикета, используемые ими, тематическая группа глаголов говорения, характеризующая речь персонажей, а также номинативные цепочки, называющие героев произведения. Анализ перечисленных материалов позволил дать новую интерпретацию содержания рассказа, который оказался актуальным для современных реалий.

Ключевые слова: И.А. Бунин, «Руся», коммуникативное поведение, ситуация общения, речевой этикет, молчание, глаголы говорения, отговорка, номинативная цепочка

Для цитирования: Фархутдинова Ф.Ф., Буэссо Малонга Б. Коммуникативное поведение героев в жанре рассказа (И.А. Бунин «Руся») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 64—74.

Рассказ И.А. Бунина «Руся», входящий в цикл «Темные аллеи», не раз оказывался в поле зрения филологов. Подходы к его анализу существенным образом различаются и во многом определяются социальными запросами времени: в советском литературоведении — идеологическими факторами [Волков; Иофьев], в исследованиях постсоветского периода — интересом к биографии писателя и его философии [Мальцев], в работах последних десятилетий — собственно филологическим анализом, опирающимся на современные методики

[Нгуен]. Благодаря этому описано, объяснено и обосновано место рассказа внутри цикла «Темные аллеи» [Марченко 2011], обнаружены и проанализированы его интертекстуальные связи с произведениями русской и зарубежной литературы [Марченко 2011], фабула произведения и его композиция [Есаулов; Лю], показана роль хронотопа в реализации авторского замысла [Есаулов], охарактеризованы герои [Есаулов; Ли Сан; Марченко 2011; Богданова], особенности его антропонимики [Нгуен], доказана важная роль природы и образов-символов в раскрытии характера главной героини и самого автора [Богданова; Марченко 2010; Марченко 2011; Нгуен; Литвинов]. Еще один аспект исследований рассказа — разбор его сценических интерпретаций [Поправка]. Кроме того, предложены методические разработки по его изучению на уроках русского языка и литературы в школе [Чехонина] и в иностранной аудитории (в аспекте РКИ) [Русанова].

При этом различие исследовательских подходов к осмыслению рассказа ведет и к существенным различиям в выводах авторов статей, что было аргументированно показано О.В. Богдановой [Богданова]. Т.В. Марченко объясняет несхожесть трактовок рассказа тем, что до сих пор не проведена «грамотная текстологическая работа с прозаическим наследием Бунина», история текстов, к которым сам писатель относился очень трепетно, не изучена, и главный шаг к созданию фундамента научного издания произведений лауреата Нобелевской премии до сих пор не сделан. К тому же, продолжает она, *большая* часть произведений Бунина изучается на основе текстов, вошедших в собрания сочинений писателя, и не учитывает другие важные материалы: первые публикации, подвергшиеся затем редактированию, рукописное наследие и др., что не позволяет делать объективные выводы о работе писателя над текстами и об изменениях в его замыслах [Марченко 2010]. Действительно, большинство работ, посвященных рассказу «Руся», представляет собой либо результат филологического анализа, который рассматривает произведение как феномен культуры, либо читательскую интерпретацию содержания произведения, его восприятие образов героев и их судеб, а также тех уроков, которые читатель извлекает из прочтения произведения в силу своего опыта и жизненных установок. А это означает, что различие интерпретаций рассказа неизбежно.

Сформулированная нами в названии статьи проблема еще не была предметом специального исследования. Между тем изучение коммуникативного поведения героев художественного произведения дает возможность объективно интерпретировать и характер героев, и развитие их отношений, и авторский взгляд на рассказанную историю, и скрытый в ней смысл.

Коммуникативное поведение определяется как «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д. групп, а также отдельной личности» [Стернин 2000: 3; Прохоров, Стернин]. В данном определении на первый план выведена лингвокультурная обусловленность поведения человека в общении с другими людьми — следование существующим у народа традициям общения, которые строятся с учетом ситуации общения, возрастных особенностей коммуникантов, гендерной составляющей и т. д. Кроме того, определение подчеркивает, что в коммуникативном общении каждый человек индивидуален, хотя и ведет себя в соответствии с нормами социума, сформировавшегося внутри этноса. В коммуникативно-поведенческих чертах индивида реализуются его личностные ценности, установки или привычки [Савенкова, Максютя, Гребенникова].

Единицей коммуникативного поведения называют выражаемый смысл, то есть переживаемое отношение участников общения к миру, ситуации, партнеру и себе [Карасик]. Реализованные в ходе общения коммуникативные смыслы получают разную интерпретацию, что связано с многомерностью и партитурностью коммуникативного поведения. Для коммуникативного поведения одинаково значимы невербальная составляющая общения (взгляды, интонация, функциональная подвижность) и вербальная составляющая (лексико-фразеологическое наполнение формул речевого этикета, их грамматическое оформление, характер обращений) [Карасик; Умирзакова]. В художественном произведении формой выражения коммуникативного поведения становится слово (либо выражение), сказанное героем или самим автором. Именно поэтому в центре нашего внимания оказываются ситуации общения героев рассказа «Руся», формулы речевого этикета, используемые ими, тематическая группа глаголов говорения, характеризующая речь персонажей, а также номинативные цепочки, называющие героев произведения.

Коммуникативное поведение героев рассказа «Руся» определяется жанром рассказа и фабулой, которая лежит в его основе. И.А. Есаулов формулирует ее следующим образом: «Некий господин, имя которого так и остается неизвестным, со своей также безымянной женой едут на вечернем московском поезде в Севастополь. По дороге поезд останавливается — как раз в том самом месте, где у героя когда-то была любовная история. Его девушку звали Маруся, Руся. Об этой давней истории герой и рассказывает, а некоторые подробности вспоминает позже. Утром они с женой завтракают и продолжают разговор» [Есаулов: 86]. При этом композиция рассказа, отмечает исследователь, намного сложнее, потому что включает историю любви с Русей (вставная новелла о том, что было двадцать лет назад) и рассказ о героях в момент повествования. Таким образом, в небольшом по объему рассказе можно наблюдать коммуникативное поведение героев внутри двух семей — семьи безымянного рассказчика, отношения между членами которой читатель видит здесь и сейчас, и семьи его давней возлюбленной, отношения членов которой воссоздается в памяти главного героя.

Одним из факторов, определяющих коммуникативное поведение героев и характер их отношений, является категория вежливости и ее реализация в *ты-форме* и *вы-форме*, употребляемых в русском семейном и внесемейном общении.

Семья рассказчика в описываемый момент времени — это он и его жена. Автор называет их просто: *господин* и *дама*, где *господин* — «В буржуазно-дворянском обществе: человек, принадлежащий к привилегированным слоям общества», а *дама* — «Женщина, принадлежащая к состоятельному или интеллигентному кругу (устар.)» [Карта слов].

Коммуникативное поведение героев можно наблюдать с первой реплики дамы — жены героя. Именно она обращается к кондуктору: «*Послушайте. Почему мы стоим?*»* — и слышит в ответ, что встречный курьерский поезд опаздывает. Глагольная форма повелительного наклонения *Послушайте* является «формой обращения, привлечения внимания» и употребляется обычно в препозиции, т. е. «слово говорится перед речью, обращенной вопросительно к кому-л.» [Балакай: 382]. В русском языке существует две формулы привлечения внимания: *послушайте* и *послушай*, которые соответствуют *вы-форме* и

* Здесь и далее текст рассказа цитируется по изданию: [Бунин].

ты-форме общения. Дама при обращении к кондуктору использует *вы-форму*, проявляя тем самым вежливое отношение к железнодорожному служащему. Получив ответ, дама не просто встает рядом с господином, а облакачивается, то есть опирается локтем (локтями) на него. В этом движении проявляется личная свобода женщины: она не нарушает этикетных правил (в проходе вагона никого нет), но и не отделяет свое личное пространство от личного пространства мужа, потому что *«Он облокотился на окно, она на его плечо»*. Она использует его личную зону как свою собственную, а личная зона — та ключевая область общения, куда разрешено проникать только очень близкому человеку. Господин никак не реагирует на это движение жены и, значит, воспринимает его как норму их межличностного общения. Телесное соприкосновение, которое оценивается как сверхинтимная дистанция общения, характерна для очень близких людей (родителей с детьми, супругов, влюбленных) [Стернин 1996: 28]. И в тот самый момент, когда жена облокотилась на господина, он начинает рассказывать о событиях двадцатилетней давности и о своей любви к девушке, которая жила в имении недалеко от станции — места неожиданной остановки пассажирского поезда. Начало его рассказа — это описание местности, где господин оказался двадцать лет назад. Он отличный рассказчик, потому что кратко, точно и в ярких образах дает характеристику здешних мест: *«Скучная местность. Мелкий лес, сороки, комары и стрекозы. Вида нигде никакого. В усадьбе любоваться горизонтом можно было только с мезонина. Дом, конечно, в русском дачном стиле и очень запущенный, — хозяева были люди обедневшие, — за домом некоторое подобие сада, за садом не то озеро, не то болото, заросшее кугой и кувшинками, и неизбежная плоскодонка возле топкого берега»*. Однако дама дополняет эту картину и оживляет ее: *«— И, конечно, скучающая дачная девица, которую ты катал по этому болоту»*. Скучный мир, наполненный комарами и стрекозами, по словам господина, был дик и в чем-то даже страшен. Только в одном господин не согласился с женой: девицу нельзя было назвать *скучающей*.

Как видим, в этой части своего рассказа герой входит в пространство своей памяти и готов делиться своими воспоминаниями не просто с собеседницей, а с женой, не скрывая своих настроений и эмоций двадцатилетней давности. Она сразу приготовилась слушать и засыпала его вопросами: *«— Ну и что же у вас с этой девицей было? Настоящий роман? Ты почему-то никогда не рассказывал мне о ней. Какая она была?»*. В формулировках вопросов есть несколько важных языковых особенностей. В вопросе *«Ну и что же у вас с этой девицей было?»* дама использует местоимение *у вас*, а не местоимение *у тебя*, хотя для их общения друг с другом характерны *ты-формы*. Женщина предполагает, что в отношениях молодых людей была взаимность (*у вас*) и что чувства были серьезными. Ее интересуют не только сами отношения, но и образ *скучающей девицы*. Не случайно дальше она спрашивает: *«Настоящий роман?»*, где *роман* — это любовные отношения между мужчиной и женщиной. А в конце своей реплики дама замечает: *«Ты почему-то никогда не рассказывал мне о ней»*. В этой реплике проскальзывает удивление, связанное с тем, что жена совсем ничего не знает об этой девушке. По-видимому, о других своих влюбленностях герой рассказывал ей, то есть между супругами были доверительные отношения. Поэтому закономерен вопрос *«Какая она была?»*. Кажется бы, и сейчас он ничего не скрывает от жены: описывает внешность девушки, ее необычный наряд, называет ее имя, рассказывает о ее родителях и брате, о своих чувствах (*был влюблен ужасно*), о том, что роман ничем не

завершился. При этом сам диалог супругов оказался очень коротким, потому что муж не захотел объяснять причины разрыва с Русей.

Исследователи рассказа обращают особое внимание на завершающую часть вечернего диалога: «— Ну, расскажи хоть в двух словах, чем и как ваш роман кончился. — Да ничем. Уехал, и делу конец. — Почему же ты не женился на ней? — Очевидно, предчувствовал, что встречу тебя. — Нет, серьезно? — Ну, потому, что я застрелился, а она закололась кинжалом...». Нежелание героя рассказать историю любви и особенно причину разрыва объясняют по-разному [Богданова; Есаулов; Марченко], обычно оставляя вне поля зрения коммуникативную составляющую. Если жена настроена на продолжение разговора, который совершенно случайно и неожиданно для нее начал муж, то супруг нацелен на прекращение своего повествования. Это проявляется в измененной тональности его речи, которая произошла после паузы. Бунин пишет: «Он помолчал и сухо ответил: Но пойдём спать. Я ужасно устал за день». Почему герой помолчал? Молчание — это коммуникативный и социокультурный феномен. Он сделал паузу, чтобы обдумать свой ответ? Он показал нежелание говорить дальше? Он стал намеренно сдержанным и холодным в своем речевом поведении.

Жена это почувствовала, но не захотела принять такой ответ: «Очень мило! Только даром заинтересовал. Ну, расскажи хоть в двух словах, чем и как ваш роман кончился». А.Г. Балакай отмечает, что этикетная формула «Очень мило!» имеет ироническую окраску и используется для выражения неодобрения, несогласия, возражения [Балакай: 271]. Она недовольна незаконченным рассказом, но и он не спорит, отвечая почти в двух словах о завершении того давнего романа: «— Да ничем. Уехал, и делу конец».оборот *дело с концом /и делу конец* имеет значение «окончательная развязка чего-л.; на этом все и закончилось» [Карта слов]. Таким образом, муж хочет завершить случайно начатый рассказ-воспоминание: двадцать лет назад он уехал из этих мест, и любовный роман завершился. Но он не ответил на вопрос, почему не женился на той девушке. Тогда он прибегает к отговоркам. Отговорка — это ссылка на вымышленное или несущественное обстоятельство, позволяющее уклониться или отказаться от ответа на заданный вопрос [Карта слов]. Господин вначале говорит приятное для жены: «Очевидно, предчувствовал, что встречу тебя», а потом — более жесткое и резкое: «Ну, потому, что я застрелился, а она закололась кинжалом». Речевой жанр *отговорка* соотносится со значением глагола речевой деятельности *отговориться* и опирается на его семантику — «отказаться, уклониться от чего-л., ссылаясь на что-л., оправдываясь чем-л.» [Карта слов]. Известно, что *отговорка* и *отговор* в детском фольклоре — это жанры-реакции (реактивные жанры), цель которых — «восстановить социальное равновесие, погасить конфликт, не прибегая к активной агрессии» [Сидоренко: 235]. В общении взрослых людей отговорки тоже встречаются и используются они с разными целями. В этой ситуации герой с помощью отговорки обрывает свой рассказ об истории любви. Разговор действительно завершился, перейдя в плоскость повседневных привычек: супруги почистили зубы и легли спать «под свежее глянцевитое полотно простынь и на такие же подушки». Она заснула, а он стал восстанавливать в памяти события того необычного лета.

Начало воспоминаний связано с памятью о теле девушки: о том, как оно волновалось при ходьбе, как много на нем было прелестных родинок, какие узкие ступни были у нее, и какое счастье он испытал, целуя их. А потом в памяти стали всплывать разные ситуации их общения и то, как и что она говорила. Он вспоминает, что вначале «она все приглядывалась к нему; когда он

заговаривал с ней, темно краснела и отвечала насмешливым *бормотанием*. Это означает, что она изучала его: «всматривалась в него, пристально и внимательно разглядывала его» [Карта слов]. Он это видел и пытался заводить разговор с ней. Она стеснялась отвечать ему, краснела от смущения и отвечала на его слова тихо и невнятно — «бормотала под нос» [Карта слов].

В других ситуациях ее скромность исчезала, как, например, за обеденным столом, где Руся задевала, обижала и даже оскорбляла его, когда говорила, *«громко обращаясь к отцу: — Не угощайте его, папа, напрасно. Он вареников не любит. Впрочем, он и крошки не любит, и лапши не любит, и протоквашу презирает, и творог ненавидит»*. О человеке, сидящем за столом, она говорит в третьем лице — как об отсутствующем, что, согласно русскому речевому этикету, считается невежливым, поскольку «говорящий как бы исключает собеседника из общения, демонстрируя тем самым неуважительное к нему отношение» [Балакай: 329]. Нарочитую невежливость можно объяснить по-разному, в первую очередь, положением героя в доме родителей Руси. В начале своего рассказа господин сказал, что был репетитором в усадьбе. В русской культурной традиции изначально репетиторами были иностранцы, нанимаемые в качестве гувернеров. Но с середины XIX века частными уроками подрабатывали профессора, учителя с низким жалованьем, студенты, хорошо успевавшие гимназисты. В репетиторы шли главным образом для дополнительного заработка. В летнее каникулярное время репетитор готовил ребенка к поступлению в средние и низшие учебные заведения, а также к зачислению в начальные классы. Нередко репетитор проходил с учеником «несколько вперед» из курса будущего обучения, чтобы облегчить тому обучение зимой [Кондратьева]. Бунинский герой был студентом и, видимо, занимался репетиторством ради денег. Зависимое от хозяев положение заставляло его смиренно принимать невежливое отношение к себе. Но эта невежливость запомнилась еще и потому, что Руся подчеркнуто вежлива с родителями, в общении с которыми она использует исключительно *вы*-формы. Для современного читателя такое семейное общение воспринимается как непривычное и архаичное. Но оно имело и сословный характер: обращение на *вы* детей к родителям, младших к старшим «было распространено в XIX веке преимущественно среди привилегированных сословий, а также в купеческой и мещанской среде» [Балакай: 93; Катрецкая].

В ситуациях, когда герои занимались своими делами (Руся писала с натуры или, стоя на балконе, заводила беседы с героем, который читал книги по истории французской революции), она соблюдала все этикетные нормы, обращалась к нему на *вы*, *«посматривала на него с неопределенной усмешкой»* и говорила с ним *постоянно насмешливым тоном*. Но точно так же она говорит и о своих талантах живописца: *«— А что ж вы свою живопись забросили? — Вот-вот и совсем заброшу. Убедилась в своей бездарности»*. Герой вспоминает, что усвоил себе этот насмешливый тон и начал с ней говорить так же, сохраняя формы *вы*-общения.

В сценах катания на лодке, где он и она были вдвоем, он вспоминает чувства, которые испытывал тогда: нежность к ней и ее испугу, показное равнодушие, озабоченность греблей и тем, что его картуз может упасть на дно лодки и намочить. Насмешливость ушла, когда девушка заговорила с ним просто и улыбалась ему, потому что он во время прогулки по озеру спас ее от ужа, оказавшегося в лодке. Он вспомнил, что *«у него опять нежно дрогнуло сердце»*.

Формы *вы*-общения быстро заменились формами *ты*-общения, когда произошло объяснение в любви и наступила физическая близость, когда они, по ее словам, *стали мужем и женой*. Он вспоминает, что *молчал от нестерпимого счастья*. Герой осмысленно и сознательно отказывается от словесного общения и только целует ее руки. Слова оказываются лишними перед лицом любви. Но он чувствует себя мужчиной-защитником, когда успокаивает ее, услышавшую таинственные лесные шорохи: *«Не бойся, это, верно, лягушка выползает на берег. Или еж в лесу...»*.

Вспомнил он и сцену в гостиной. Кажется, что они с Русей просто сидели на диване, касаясь головами друг друга, и делали вид, что разглядывают картинки в старом журнале «Нива». Но шепотом они говорили о любви: *«— Ты меня еще не разлюбила? — тихо спрашивал он, делая вид, что внимательно смотрит. — Глупый. Ужасно глупый! — шептала она»*. Эта невинная сцена была прервана выстрелом: из старинного пистолета, которым мальчик Петя пугал воробьев, стреляла мать Руси. Герой бросился отнимать у нее пистолет. Женщина же театральными криками поставила дочь перед выбором: *«— Только через мой труп перешагнет она к тебе! Если сбежит с тобой, в тот же день повешусь, брошусь с крыши! Негодяй, вон из моего дома! Марья Викторовна, выбирайте: мать или он!»* Руся выбрала мать, а герой *«был безобразно, с позором, ошеломленный ужасом совершенно внезапной разлуки, выгнан из дому»*.

Таким образом, воспоминания героя о том далеком удивительном лете включают не только яркие эпизоды юношеской любви, не только его чувства и мысли, не только мир природы, ставший свидетелем их любви, но и речь героини: слова, интонацию, манеру говорить. Ее меняющаяся речь отражает изменение ее душевного состояния: она то насмешливо *бормотала*, то *задевала* героя *словами*, могла *говорить* с ним *решительно*, *взвизгнуть* и *дико взвизгнуть*, *крикнуть*, *заговорить просто*, *болтать страшные глупости*, *шептать*, а в последней сцене его воспоминаний она *«говорила, блестя ему в глаза радостными черно-зеркальными глазами»*. Руся была всегда очень разной.

Постоянную изменчивость Руси наблюдаем и в тех номинациях, которые близкие девушки, герой и его жена используют в общении с ней или в рассказе о ней. Совокупность этих номинаций образует следующую номинативную цепочку, каждое слово которой маркирует отношение говорящего к ней: *скучающая дачная девица — девица совсем не скучающая — девица — художница — истеричка — Руся — Маруся — она — совсем еще девчонка — жена — Марья Викторовна — свою дачную девицу с костлявыми ступнями — дачная девица*, в которой самым часто употребляемым словом является *она*, где *она* — «3. Любимая, возлюбленная, героиня романа» [Карта слов]. Заглавное имя в тексте рассказа встречается дважды: в названии рассказа и в ответе героя о том, как звали скучающую девицу из усадьбы. Номинативная цепочка, называющая героя рассказа, выглядит следующим образом: *господин — он — репетитор — революционер — молодец — глупый — муж — негодяй*. При этом совершенно очевидно, что «совокупность различных номинаций создает “номинативный” портрет объекта», задает «в тексте смысловую направленность» [Громыкина: 199] и позволяет выразить отношение к изображаемому. Сказанное особенно справедливо к номинациям матери Руси, где хорошо видно, как она важна для Руси, которая называет ее *мама*, и для героя произведения, для которого она — *мать — какая-то княжна с восточной кровью — полоумная мать*.

Что мог рассказать герой своей жене о том романе, который был двадцать лет назад? О перелесках, сороках, болотах, кувшинках, ужах, журавлях?

О петухе, козереге и стрекозах? О родинках на теле девушки? О том, что Руся бережно прижимала к груди картуз, который хранил запах его головы и его гадкого одеколона? О том, что его счастье было коротким? Или о том, что полубезумная мать выстрелила в него из пугача, которым Петя палил в воробьев? О том, что его назвали *негодяем* и «безобразно, с позором» выгнали из дома родителей Руси? Все это он мог хранить в своей душе и памяти, но не мог сделать достоянием других, в том числе жены. Отсюда и его фраза *Amata nobis quantum arnabitur nulla*, произнесенная вслух и оставленная без перевода. «— Это по-латыни? Что это значит? — Этого тебе не нужно знать». Говорит это герой в вагоне-ресторане, где он после завтрака пьет кофе с коньяком. В начале рассказа господин и его жена смотрели в открытое окно и были на сверхинтимном расстоянии. В конце рассказа их личные зоны не перекрываются, между ними нет близости: один еще погружен в прошлое, другая смотрит на бегущее за окном настоящее. Герой закрыл вход в пространство своей памяти.

Проведенный нами анализ опирался на объективный материал и не строился на предположениях. Мы намеренно дистанцировались от суждений типа «Руся, имя главной героини рассказа, символизирует родину писателя, от которой он был насильственно отлучен. Очевидно, когда Бунин писал “Русю”, спустя двадцать лет, как покинул Россию, “испив чашу несказанных душевных страданий”, ему, литератору, было особенно важно спроецировать в слове свою глубокую муку. Думаю, это не только и не столько боль стареющего мужчины, его несвершившейся любви, но неизбывная печаль и обида сына, так рано превращенного в пасынка своей же собственной матерью — Россией...» [Литвинов].

Наблюдения над коммуникативным поведением героев рассказа «Руся» — содержанием и наполнением их монологов и диалогов, номинативными цепочками, описанием жестов, движений и интонации, паузами и молчанием, позволили увидеть еще один слой в ткани рассказа и понять еще один смысл, заложенный в него автором.

Герой рассказа — успешный человек, у которого все благополучно. Он с комфортом едет на отдых в вагоне первого класса и на завтрак пьет кофе с коньяком. Но комфорт нынешней жизни не дает ему того счастья, которое он испытал только однажды в далекой молодости. И это счастье было отравлено обидными словами и глупыми действиями полоумной женщины. В том, что случилось двадцать лет назад, не было вины героя, как не было и предательства с его стороны — отказалась от него Руся, которая сделала свой выбор между ним и матерью в пользу матери. Оказалось, что унижение после позорного изгнания из усадьбы не забылось: разрыв с любимой и перенесенное оскорбление до сих пор не забылись, и герой ищет утешения в алкоголе и успокоения в чужих мыслях и чужом опыте. Отсюда и стих из Катуллы: *Amata nobis quantum arnabitur nulla!*

Предложенное толкование рассказа и отдельных его фрагментов через анализ коммуникативного поведения героев показывает, что рассказ очень актуален в свете формирования личностных ценностей: комфорт и материальное благополучие, образование и положение в обществе не делают человека счастливым.

Список источников

- Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. 2-е изд. М.: Аст-Пресс, 2001. 672 с.
 Бунин И.А. Руся // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 5. С. 283—291.
 Карта Слов. Ру — Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 17.12.2024).
 Стернин И.А. Русский речевого этикет. Воронеж: ВОИПКРО, 1996. 73 с.

Список литературы / References

- Богданова О.В., Лю Миньцзе. Рассказ И. Бунина «Руся»: субъект и природа, культурная модель // *Среда. Культура: сб. материалов I Всерос. науч.-практ. междисциплинар. конф.* Н. Новгород, 2023. С. 24—40.
 (Bogdanova O.V., Liu Mingze. I. Bunin's short story "Rusya": subject and nature, cultural model, Environment. Culture: Collection of materials of the First All-Russian Scientific and Practical transdisciplinary conference, Niznyi Novgorod, 2023, pp. 24—40. — In Russ.)
 Волков А.А. Проза Ивана Бунина. М.: Московский рабочий, 1969. 448 с.
 (Volkov A.A. The prose of Ivan Bunin, Moscow, 1969, 448 p.— In Russ.)
 Громыхина А.А. Возможности гетеронимативного подхода к анализу корпуса текстов о Волгограде в СМИ // *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание.* 2011. № 1—13. С. 198—203.
 (Gromyhina A.A. Possibilities of heteronominative approach to analyzing the corpus of texts about Volgograd in mass media, *Science journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistic*, 2011, № 1—13, pp. 198—203. — In Russ.)
 Есаулов И.А. Текст и мир рассказа И.А. Бунина «Руся» // *Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: материалы Всероссийской научной конференции.* Елец, 2014. С. 86—91.
 (Esaulov I.A. The text and the world of I.A. Bunin's short story "Rusya", *Ivan Bunin in the spiritual and cultural space of modernity. Materials of the All-Russian Scientific Conference*, Elets, 2014, pp. 86—91. — In Russ.)
 Иофьев М.И. Поздняя новелла Бунина // *Иофьев М.И. Профили искусства.* М.: Искусство, 1965. С. 277—319.
 (Iofiev M.I. Bunin's late novel, *Iofiev M.I. Profiles of art*, Moscow, 1965, pp. 277—319. — In Russ.)
 Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
 (Karasik V.I. Language keys, Moscow, 2009, 406 p. — In Russ.)
 Катрецкая Д.С. Функционирование местоимений ты, вы в русском речевом этикете: исторический аспект // *Новые горизонты русистики.* 2023. № 2 (20). С. 69—72.
 (Katretskaya D.S. The functioning of the pronouns you and you in Russian speech etiquette: a historical aspect, *New horizons of Russian studies*, 2023, no. 2 (20), pp. 69—72. — In Russ.)
 Кондратьева Г.В. Репетиторство в XIX веке // *Полином.* 2009. № 1. С. 4—9.
 (Kondratieva G.V. Tutoring in the 19th century, *Polynom*, 2009, no. 1, pp. 4—9. — In Russ.)
 Ли Сан Ч. Женский образ в «Темных аллеях» И.А. Бунина в эстетическом прочтении // *Преподаватель XXI века.* 2014. № 2—2. С. 327—332.
 (Lee Sang Ch. The female image in I.A. Bunin's "Dark Alleys" in an aesthetic interpretation, *Teacher of the XXI century*, 2014, no. 2-2, pp. 327—332. — In Russ.)
 Литвинов А. Символы в рассказе Ивана Бунина «Руся» // *Российский психоаналитический вестник.* 1996. № 5. URL: <https://arbat25.ru/o-czentre/publikaczii-i-stati/simvoliyi-v-ras-skaze-ivana-bunina-%C2%ABrusya%C2%BB> (дата обращения: 17.12.2024).
 (Litvinov A. Symbols in Ivan Bunin's short story "Rusya", *Russian Psychoanalytic Bulletin*, 1996, no. 5. — In Russ.)
 Лю Ц. Композиция рассказа И.А. Бунина «Руся» // *Acta Eruditorum.* 2019. № 30. С. 69—72.
 (Liu C. The composition of I.A. Bunin's short story "Rusya", *Acta Eruditorum*, 2019, no. 30, pp. 69—72. — In Russ.)

- Мальцев Ю.В. Иван Бунин 1870—1953. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. 432 с.
(Maltsev Yu.V. Ivan Bunin 1870—1953, Frankfurt am Main, 1994, 432 p. — In Russ.)
- Марченко Т.В. Рассказ И.А. Бунина «Руся»: опыт интерпретации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 4. С. 31—44.
(Marchenko T.V. I.A. Bunin's short story "Rusya": The experience of interpretation, *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language*, 2011, vol. 70, no. 4, pp. 31—44. — In Russ.)
- Марченко Т.В. Опыт архетипического прочтения рассказа «Руся»: к интерпретации поздней Бунинской прозы // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. Вып. 1. С. 107—140.
(Marchenko T.V. The experience of the archetypal reading of the story "Rusya": towards the interpretation of late Bunin's prose, *Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad*, 2010, iss. 1, pp. 107—140. — In Russ.)
- Нгуен Т.Т. Антропонимическая семантика в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи»: художественные функции и проблема перевода: дис. ... канд. филол. наук. Иваново. 2016. 169 с.
(Nguyen T.T. Anthroponymic semantics in I.A. Bunin's cycle of short stories "Dark Alleys": artistic functions and the problem of translation: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Ivanovo, 2016, 169 p. — In Russ.)
- Поправка М.А. Особенности подготовки сценической интерпретации рассказа И.А. Бунина «Руся» // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям: сб. докладов X Всерос. научно-практ. конф. молод. уч.: в 6 т. Белгород, 2022. С. 329—332.
(Popravka M.A. Features of the preparation of the scenic interpretation of I.A. Bunin's short story "Rusya", *Cultural trends of modern Russia: from national origins to cultural innovations: coll. of reports of the 10th All-Russian Scientific and Practical Conference of young scientists: in 6 vols.*, Belgorod, 2022, pp. 329—332. — In Russ.)
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2021. 238 с.
(Prokhorov Yu.E., Sternin I.A. Russians: communicative behavior: 6th ed., Moscow, 2021, 238 p. — In Russ.)
- Русанова Н.В. Сценарная интерпретация художественного текста в процессе обучения РКИ (на примере рассказа И.А. Бунина «Руся») // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: материалы VI междунар. научно-метод. конф. СПб., 2017. С. 217—219.
(Rusanova N.V. Scenario interpretation of a literary text in the process of teaching RCT (on the example of I.A. Bunin's short story "Rusya"), *Actual problems of humanitarian knowledge in a technical university: Materials of the VI International Scientific and Methodological Conference*, 2017, pp. 217—219. — In Russ.)
- Савенкова Л.Б., Максютя К.С., Гребенникова А.С. Личностное и ситуативное начала коммуникативного поведения героя рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека» // Мир Шолохова. 2022. № 2 (18). С. 72—84.
(Savenkova L.B., Maksyuta K.S., Grebennikova A.S. The personal and situational beginnings of the communicative behavior of the hero of M.A. Sholokhov's short story "The Fate of Man", *The World of Sholokhov*, 2022, no. 2 (18), pp. 72—84. — In Russ.)
- Сидоренко А.В. Отговорка и отговор в системе речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 234—239.
(Sidorenko A.V. Excuse and dissuasion in the system of speech genres, *Genres of speech*, 2019, no. 3 (23), pp. 234—239. — In Russ.)
- Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000. 52 с.
(Sternin I.A. Models of description of communicative behavior, Voronezh, 2000, 52 p. — In Russ.)

Умирзакова З.А. Об изучении коммуникативного поведения в лингвистике // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2018. № 16. С. 59—61.
(Umirzakova Z.A. On the study of communicative behavior in linguistics, *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2018, no. 16, pp. 59—61. — In Russ.)

Чехонина И.Е. Уроки по развитию речи (рассказ И.А. Бунина «Руся») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2009. № 1. С. 99—103.

(Chekhonina I.E. Lessons on speech development (short story by I.A. Bunin “Rusya”), *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Questions of education: languages and specialty*, 2009, no. 1, pp. 99—103. — In Russ.)

COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF CHARACTERS IN THE GENRE OF SHORT STORIES (I.A. Bunin “Rusya”)

Feniya F. Farkhutdinova, Berenice Bouesso Malonga

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
fenfar@mail.ru, berenicebouesso@gmail.com

Abstract. Repeatedly researched and analyzed in the scholarly works, the short story “Rusya” receives different interpretations of the content and meanings embedded in it, due to the social demands of the time, factors of ideological and biographical plans, and differences in aspects of philological analysis proper. These approaches allow us to consider the story a phenomenon of Russian culture. The analysis of the communicative behavior of the characters in the story is aimed at an objective interpretation of the main heroes’ characters, an understanding of their relationships, the author's view of the story told, as well as the meaning hidden in it. The communicative behavior of a person is conditioned by the traditions of communication characteristic for a certain ethnic group. It is based on the communicative situation, the age of the communicants, the gender component, etc. In a work of fiction, communicative behavior is represented through a word or a turn of speech chosen by the hero or the author himself. At the same time, the writer equally pays attention to the non-verbal component of communication.

Keywords: Bunin, “Rusya”, communicative behavior, communication situation, speech etiquette, silence, speaking verbs, excuse, nominative chain

For citation: Farkhutdinova F.F., Bouesso Malonga B. Communicative behavior of characters in the genre of short stories (I.A. Bunin “Rusya”), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 64—74.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Информация об авторах / Information about authors

Фархутдинова Фения Фарвасовна — доктор филологических наук, профессор центра русистики и международного образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, fenfar@mail.ru, SPIN: 3863-7693

Farkhutdinova Feniya Farvasovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Center for Russian Studies and International Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, fenfar@mail.ru

Буэссо Малонга Беренис — аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, berenicebouesso@gmail.com

Bouesso Malonga Berenice — postgraduate student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, berenicebouesso@gmail.com